

III ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ФИЛОЛОГИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

В 1958 г. советские ученые, занимающиеся Древним Востоком, по инициативе В. В. Струве собрались на свою первую научную всесоюзную конференцию, и с тех пор регулярно собираются раз в четыре года¹.

3—8 февраля 1966 г. в Москве состоялась III Всесоюзная конференция по истории, культуре и филологии Древнего Востока, посвященная памяти выдающегося советского востоковеда В. В. Струве. На первом пленарном заседании был зачитан его доклад «Две стереометрические задачи Московского математического папируса».

После вступительного слова Б. Г. Гафурова с докладами о значении работ В. В. Струве для развития исторической науки выступили М. А. Коростовцев («Жизнь и труды акад. В. В. Струве»), Б. Б. Пиотровский («Акад. В. В. Струве и изучение Урарту»), Д. Г. Редер («Труды акад. В. В. Струве по шумерологии и их значение»), Д. П. Каллистов («Акад. В. В. Струве и история античности»).

Второе пленарное заседание 8 февраля открылось докладом Б. В. Андрианова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Современные исследования и проблема происхождения ирригационного земледелия». Как отметил докладчик, в работах многих исследователей — ботаников, археологов, этнографов уделено большое внимание выявлению естественно-географических предпосылок возникновения орошаемого земледелия в аридной зоне и формирования древнейших хозяйственно-культурных типов. Особенно велики заслуги выдающегося советского ботаника Н. И. Вавилова, разработавшего учение о центрах древнейших земледельческих культур. Уже в мезолите и раннем неолите люди (так называемые «сборщики урожая») накопили первичный опыт в использовании, а затем и культивации некоторых пищевых растений, научились управлять их ростом и т. д. Большую роль в формировании ирригационного земледелия, имевшего как в Новом, так и в Старом Свете полицентрический характер, играли физико-географические условия (наличие очагов дикорастущих полезных растений, а также, возможно, циклические изменения климата). Решающее значение в развитии ирригационной техники и превращении ирригационного земледелия в хозяйственную базу древнейших государств Востока имело появление металлических землеройных и земледельческих орудий. Создание и поддержание оросительных систем, регулирование паводков крупнейших рек Древнего Востока было важнейшей отраслью общественного производства. Развитие ирригации было тесно связано с возникновением в густонаселенных речных долинах централизованных деспотических государственных образований. На материалах главным образом Древнего Хорезма докладчик рассказал о возникновении и развитии ирригационного земледелия. Он подверг критике вульгарно-географические гипотезы о причинах расцвета и запустения древних оазисов. Б. В. Андрианов привлек большой иллюстративный материал (в том числе картографический) по истории земледелия.

Н. А. Бутинов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) выступил с докладом «Что может дать этнография для понимания характера древневосточной общины». Проблема общины, отметил докладчик, решается ныне по-новому как этнографами, так и историками древности. Некоторые советские этнографы пришли к выводу, что основной ячейкой доклассового общества является не род, а община. Историки древности, со своей стороны, показали, что община в древнем мире была не пережитком, как думали раньше, а жизнеспособным социальным организмом. Такое изменение во взглядах на общину привлекло к ней внимание, создало общность интересов и потребность в объединении усилий исследователей, работающих в этих областях. По мнению докладчика, древневосточная община занимает промежуточное положение между родовой и сельской общинами: она состоит из нескольких домовых или большесемейных

¹ Первая Всесоюзная конференция состоялась в Ленинграде 12—17 мая 1958 г. См. «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1959, № 1, стр. 207—212. Вторая Всесоюзная конференция также проводилась в Ленинграде 14—19 мая 1962 г. См. ВДИ, 1963, № 1, стр. 166—195.

общин; в ней имеются две формы общинной собственности (собственность общины в целом и собственность домовых общин); существует родовая организация, причем каждый род состоит из нескольких частей, расселенных в разных деревнях. Учитывая все эти признаки, Н. А. Бутинов приходит к выводу, что древневосточная община была семейно-родовой. В докладе были приведены этнографические материалы по народам Америки, Африки, Юго-Восточной Азии, Океании, свидетельствующие о том, что семейно-родовая община существовала не только на Древнем Востоке, но и у многих других народов, и представляет собой закономерный этап в развитии общинной организации.

И. А. Стучевский (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) большую часть своего доклада «Первичные классовые формации и проблема азиатского способа производства»² посвятил анализу эволюции взглядов В. В. Струве на характер древневосточного общества. Докладчик считает, что рабовладение и феодализм являются не двумя последовательными стадиями развития общества, а двумя укладами, которые, переплетаясь друг с другом, сосуществовали на протяжении длительного периода истории в ряде стран, например Древнем Египте. По его мнению, основным, господствующим был феодальный уклад, рабовладение же играло второстепенную роль. Докладчик высказал предположение, что такое переплетение этих двух укладов, может быть, и есть азиатский способ производства.

Доклад Ю. М. Кобищанова (Ин-т Африки, Москва) «„Феодализм“, „рабство“ и „азиатский способ производства“» носил характер схемы, совершенно не подкрепленной фактическим материалом. Так, считая все формулировки основного закона феодализма неудовлетворительными, Ю. М. Кобищанов в общем не выдвинул своего позитивного предложения как по этому, так и по другим вопросам³.

На заседании был также зачитан сокращенный текст доклада Г. А. Меликишвили (Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГрузССР, Тбилиси) «К вопросу о характере древнейших классовых обществ»⁴.

4, 5 и 7 февраля на конференции работали пять секций: египтологией; ассириологией и семитологией; хеттологией и ураартоведением; Среднего Востока и Индии; Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, на которых было заслушано около 90 докладов. Мы остановимся лишь на тех из них, которые, на наш взгляд, представляют наибольший интерес для этнографов.

Ряд докладов был посвящен проблемам этногенеза и этнической истории народов Востока. Н. Н. Чебоксаров (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) прочитал доклад «К вопросу о происхождении китайцев в свете данных антропологии». Основываясь на большом антропологическом материале, в значительной мере собранном самим докладчиком в СССР и КНР в течение более чем 30 лет, Н. Н. Чебоксаров пришел к выводу, что китайский народ, как и все другие крупные народы мира, в расовом отношении очень неоднороден. В формировании его антропологического состава приняли участие все три большие расы: монголоиды, европеоиды (на северо-западе) и негро-австралоиды (на юге). Монголоиды представлены в Китае двумя группами: северо-западной, или континентальной, и юго-восточной, или тихоокеанской. Различия между этими группами не меньше, чем между северными (светлыми) и южными (темными) европеоидами. Палеоантропологические материалы дают возможность предполагать, что предки китайцев были расово неоднородными уже в III тысячелетии до н. э. в период неолитической культуры Яншао. Краниологические серии из бассейна р. Вэй, связанные с этой культурой, обнаруживают наличие южномонголонидных компонентов, переходных к экваториальным расовым типам. В то же время в северо-западных сериях того же периода (с территории провинции Ганьсу) выступают европеоидные компоненты, проникшие сюда с запада, скорее всего из Средней Азии или Южной Сибири. Особенно сложна антропологическая структура населения южных провинций современного Китая, где как среди национальных меньшинств, так и среди самих китайцев сильно выражены негро-австралоидные (экваториальные) расовые особенности. Нет сомнения, что коренное население южных провинций не только не было китайским по языку, но и антропологически сильно отличалось от насельников бассейна Хуанхэ.

Е. В. Иванова (Ин-т этнографии, АН СССР, Ленинград) в своем докладе «Этнический состав населения первых государств на территории Таиланда», используя

² Основные положения доклада разработаны И. А. Стучевским совместно с Л. С. Васильевым. См. их статью «Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ», «Вопросы истории», 1966, № 5, стр. 77—90.

³ Многие из тезисов доклада Ю. М. Кобищанова были изложены им 27 июня 1965 г. в выступлении на дискуссии в Институте народов Азии АН СССР. См. сборник «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства)», М., 1966, стр. 42—47.

⁴ Полный текст доклада Г. А. Меликишвили опубликован в журнале «Вопросы истории», 1966, № 1.1, стр. 65—80.

письменные источники, памятники архитектуры и скульптуры и другие материалы, убедительно показала, что в течение всего I тысячелетия н. э. территория центрального и северного Таиланда была населена монами и родственными им лава. В северо-востоке Таиланда проходила граница между областями с монским и кхмерским влиянием. В северной части Малаккского полуострова соприкасались области с монским и малайским населением. Вторжение в конце I тысячелетия н. э. кхмеров в центральный Таиланд не сопровождалось существенными изменениями в этническом составе населения этого района. Коренное изменение этнического облика населения северного и центрального Таиланда произошло в результате миграции тайских народов, затронувшей северный Таиланд уже в середине I тысячелетия, а к концу I тысячелетия коснувшейся и центрального Таиланда.

Оживленные прения вызвал доклад А. М. Решетова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) «Этнический состав Ханьского Китая».

М. А. Дандамаев (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) проанализировал данные позднеавиловских документов о саках (среднеазиатских скифах).

Доклад С. А. Маретин (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) был посвящен раннегосударственным образованиям на территории Ассам. Ранняя история народов, населяющих современный Ассам, изучена недостаточно. Однако, по мнению докладчицы, и те скудные материалы, которые имеются, позволяют говорить о том, что здесь в начале II тысячелетия нашей эры существовали раннеклассовые государства, достигшие высокого уровня развития. Создателями этих государств были народы бодо тибетобирманской группы (качари, чхутия, кочхи, типпера). О древности обитания народов бодо на этой территории свидетельствуют данные топонимии. Первое государство возникло около XIII в. у качари. В докладе был приведен интересный материал о превращении некоторых родов качари в группы сословно-иерархического характера, о сложении к XVI в. сословно- профессиональной иерархии кастового типа. Разгром к концу XVI в. государства качари ахомами привел к ассимиляции феодальной верхушки качари; основная же масса населения была отнесена в труднодоступные горные районы, где продолжала изолированное существование. Аналогичные раннеклассовые государства были созданы и другими народами этой группы — чхутия, кочхами, типпера, но на несколько столетий позже — XV—XVI вв. — уже под влиянием индуизма. Интересна для этнографа дальнейшая судьба этих народов: высшие их слои, принявшие индуизм, вошли в качестве одного из компонентов в состав ассамской народности; то же произошло и с некоторыми группами рядовых земледельцев, кочхи и чхутии образовали касты; лишь гаро и димаса, населявшие наиболее удаленные районы, сохранили свою этническую самостоятельность и черты первобытной демократии. По мнению автора, становление ранних государств у горных народов Ассам — в первую очередь государства качари — происходило в ходе разложения общины, на базе превращения старых родов в сословия и группы кастового типа и было результатом самостоятельного развития общества бодо, так как процессы индуизации стали давать себя знать лишь с конца XVI в. При наличии рабовладения как уклада здесь складывались отношения раннефеодалного характера.

Ю. В. Маретин (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) выступил с докладом «Первые государства Индонезии и их характер (II—VII вв.)». Во вводной части докладчик остановился на некоторых общих вопросах древней истории Индонезии. По его мнению, имеющиеся данные позволяют сделать вывод о самостоятельном развитии государственности в древней Индонезии. Признавая огромное влияние древней индийской культуры на развитие Индонезии и других государств Юго-Восточной Азии, Ю. В. Маретин вместе с тем выразил несогласие с теориями, объясняющими развитие индонезийского общества только — или преимущественно — «индийской колонизацией». Такие теории докладчик считает неверными ни с методологической, ни с фактической стороны, хотя учитывать внешние влияния безусловно следует, иначе картина исторического развития будет искаженной. Первые индонезийские государства складывались на базе разложения родовой общины и имели тенденцию к развитию по феодальному пути. Автономные общины (не только соседского типа, но и сохранявшие сильные пережитки родовых отношений общины соседско-большесемейного типа) были основой экономической структуры этих государств. Верховным собственником на обрабатываемую землю выступало государство в лице своего главы, частная собственность на землю отсутствовала. Рабовладение носило характер уклада, не являясь определяющим моментом в производстве. Эти первые государства по своей социально-экономической структуре значительно отличались друг от друга. Одни из них могут быть отнесены к государствам, в которых господствовали отношения, пока условно обозначаемые термином «азиатский способ производства», т. е. к деспотиям; другие же могут быть охарактеризованы как раннефеодалные. Интересна попытка классификации древних индонезийских государств, сделанная докладчиком. Он выделил следующие типы государств: деспотические империи, основывавшие свою экономику либо на земледелии (труд свободных общинников), либо на широкой морской торговле; небольшие государства типа княжеств, также основанные либо на земледелии с использованием труд свободных общинников, либо на морской торговле (при этом такие государства выступали

нали в качестве пассивного контрагента в торговле, в отличие от государств первого типа, ведших самостоятельные морские операции); раннегосударственные образования в виде союзов автономных общин, где родовые отношения уступали место территориальным, а ранние сословия переходили в классы; наконец, союзы племен.

Доклад Ю. В. Ионовой (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) был посвящен социально-экономическому строю древнекорейских государств Когурё, Пэкче и Силла. Этот вопрос до настоящего времени остается дискуссионным. Ю. В. Ионовна отметила большую роль общины в образованиях древнекорейских государств. Согласно письменным источникам, государства Когурё и Силла образовались на базе объединения пяти общин-поселений Когурё и шести общин-поселений Силла. Процесс внутриобщинного расслоения у корейцев к I в. нашей эры зашел настолько далеко, что общество уже делилось на простых общинников «хахо» и чиновничью аристократию «га», которая вышла из общины и жила в городе. Образование древнекорейских государств на основе объединения общин и внутриобщинного расслоения определило характер социально-экономического строя древнекорейских государств, основными признаками которых были: государственная собственность на землю и эксплуатация общинников чиновниками, не имеющими права частной собственности на землю. Рабы в экономике этих государств играли незначительную роль. Отсутствие частной собственности на землю и эксплуатация общинников позволяют, как полагает докладчик, сделать вывод о существовании в Когурё, Пэкче и Силла азиатского способа производства.

В докладе Л. Л. Викторовой (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) рассматривался вопрос о социальной организации у древних монголов. По ее мнению, «на рубеже нашей эры у древнемонгольских племен (ухуань и сяньби) существовала родовая община: землевладение было общинным и родовым, землепользование — родовым и посемейным; скот находился в собственности отдельных семей». В докладе подчеркнута большая роль семьи. Каждый из супругов имел свои права и обязанности, свою собственность. Старшие дети выделялись при жизни родителей, неразделенное имущество наследовал младший сын, который был обязан содержать старых родителей. Во главе общины стоял выборный старейшина, в обязанности которого входили: организация защиты земель общины от нападений извне, рассмотрение споров внутри общины, организация облавных охот, наблюдение за правильным использованием пастбищных и других земель. Различалось родство по кости (отцовское) и по крови (материнское), но жертвоприношения совершались предками по отцовской линии. Периодические родичи по кости собирались для совершения обрядов, связанных с родовыми культами, которые отправляли старейшие в роде. Однако ряд положений докладчика, очевидно, нуждается в уточнении. В частности, при столь значительной роли семьи, посемейном землепользовании и наличии собственности на скот у отдельных семей, вряд ли можно говорить о родовой общине. Правильнее было бы считать ее патриархальной, домашней, или семейно-родовой общиной.

М. В. Крюков (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) выступил с докладом «Принципы дешифровки иньских надписей и так называемые „термины рабства“ эпохи Инь». В общих и специальных работах по истории иньского общества (XIV—XI вв. до н. э.) нередко встречаются упоминания о терминах рабства. Однако в последние годы высказывались сомнения в правильности дешифровки этих терминов. В сообщении сделана попытка рассмотреть все «термины рабства» в свете общих критериев дешифровки иньских надписей. Считая, что основным принципом интерпретации социальных терминов должен быть принцип контекста, докладчик рассматривает термины с этой точки зрения и приходит к выводу, что рассматриваемые знаки представляют собой не термины рабства, а являются собственными именами: наименованиями крупных территориально-родственных групп, входивших в иньскую коалицию.

Ряд докладов был посвящен изучению преимущественно конкретных вопросов социально-экономической истории стран Древнего Востока. Так, М. Л. Гельцер (Педагогический институт, Вильнюс) выступил с интересным, весьма аргументированным фактами, докладом «Органы общинного самоуправления и их функции в Угарите»; А. Г. Лундин (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) с докладом «Сабейский совет старейшин»; Е. М. Медведев (Ин-т восточных языков, МГУ) — «К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии»; А. Г. Периханян (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) — «Сасанидское частное целевое имущество и происхождение вакфа»; И. Ф. Фихман (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) — «Данные о рабах позднеримского Египта и новейших папирологических публикациях» и т. д.

В докладе Э. М. Яншиной (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) «Боги и „чиновники“ (по материалам древнекитайских памятников)» рассматривались случаи совпадения имен богов и лиц, облеченных общественными обязанностями, традиционно называемых чиновниками. В частности, анализировались термины хоуцзи, сыминь, сымэнь, цинши, мэйши. Рассмотренные случаи совпадения не представляли собой столь частую в древнекитайской традиции наивно-рационалистическую трактовку старинных богов, а отражали действительно имевшее место «дублирование» имен богов названиями должностных лиц, наделенных жреческими, хозяйственно-административными и дру-

гими функциями. Исходным моментом подобного «дублирования», по мнению докладчика, был теофорный характер рассмотренных знаний, ведущих, как она полагает, свое происхождение от «фамилий» потомственной знати, выступавшей первоначально в качестве жреческой знати.

Интересному сюжету из истории Японии был посвящен доклад С. А. Арутюнова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Был ли поход Дзимму-Тэнно?». Докладчик доказывал, что мифическое сказание о походе первого «императора» Японии Дзимму из западных областей Японии в центральные имеет под собой реальную почву, но описываемое событие относится не к VII в. до н. э., как это утверждает сказание, а к концу III — началу IV в. н. э., т. е. почти на тысячу лет позже. Конечно, это не был «тэнно» (император) в нынешнем смысле этого слова, может быть, его не звали Дзимму, но событие это имело место. Археологически оно связано с переходом от двух различных бронзовых культур Японии — западной «культуры мечей» и центральной «культуры колоколов» к единой раннежелезной курганной культуре, отразившей становление первого общеперманского государства Ямато. Основной смысл доклада был в сопоставлении данных четырех источников: китайских сведений о Японии в «Вэйчжи», вышеуказанных археологических выводов, сведений о падении царства У и об эмиграции уцзев в Японию в 237 г. и главное — сведений корейской летописи «Самук Саги» о силланско-японских отношениях в III—IV вв. н. э. С. А. Арутюнов делает вывод, что события, связываемые легендой с именем Дзимму, произошли в 295—300 гг. н. э. Это был шестилетний военный поход, в результате которого военно-племенная знать Северного Кюсю, завоевав центральные области Японии, перенесла сюда свою ставку. С этого момента можно считать начало японской государственности и сложения общеперманской культуры.

Доклады Р. Ш. Джарылгасиновой (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) «Китайские источники по истории древнего Чосона» и Р. В. Вяткина (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) «„Бэнь-Цзи“ Сымая Цяня как исторический источник» носили историкоисследовательский характер.

Большое место в работе конференции заняли вопросы идеологии древнего общества. В. А. Рубин (Фундаментальная б-ка общественных наук, Москва) в докладе «Пolemика Мэн-цзы с легистами» убедительно показал, что Мэн-цзы полемизировал не только с моистами, но и с легистами, выступая против деспотизма. Идея гуманного управления разработана им именно в полемике с легистами.

Л. С. Переломов (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) прочитал доклад «Политическая программа Шан Яна и ее роль в становлении деспотического государства в Китае». Л. С. Васильев (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) в докладе «Конфуцианство и легизм в древнем Китае (опыт социологической оценки)» подчеркнул, что, хотя с падением империи Цинь конфуцианство формально восторжествовало, легизм в Китае не исчез окончательно, напротив, многие его положения были фактически восприняты конфуцианской администрацией. Л. Д. Позднеева (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) выступила с докладом «К вопросу о переоценке национального наследия в Китае».

Б. Я. Волчок (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) посвятила свой доклад анализу некоторых сюжетных изображений на печатях и амулетах, обнаруженных при археологических раскопках древних городов долины р. Инд — Мохенджо-Даро, Харалпа, Чанку-Даро и других, менее крупных поселений. Исследование этих сюжетов, сопоставление их с иконографическим материалом более поздних религий Индии позволяют истолковать их как космогонические. По-видимому, космогонические представления буддизма и индуизма восходят в значительной мере к протоиндийским. Например, докладчик считает возможным пересмотреть принятое в научной литературе толкование известного изображения трехликого бога на печати из Мохенджо-Даро. Трехликий бог, сидящий на троне, в окружении зверей, обычно отождествляется с индуистским Шивой в образе Пашупати — «владыка зверей». Б. Я. Волчок приводит ряд аргументов в пользу истолкования этого персонажа протоиндийского пантеона как «Владыки мира».

Г. Г. Стратанович (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) прочитал доклад на тему «Ктенический культ у народов Индокитая». Исследователи обычно обращают основное внимание на мировые религии, представленные в этом регионе, и гораздо меньше — на древние народные верования. В докладе на широком материале по бирманцам, кхон-тан, лао, вьет, мыонг, ва, палаун, кхмерам и другим народам прслеживаются два из трех основных аспектов древнего культа матери-прародительницы («Мать-прародительница как посредник между природой и человеческим коллективом» и «стимулятор изобилия»). Докладчик также рассмотрел стадияльно общие религиозные представления народов соседних крупных областей. Значительные пережитки этих представлений сохраняются в народных верованиях Индокитая и в наши дни. Можно с уверенностью сказать, что они не только находят отражение в мировых религиях, но в значительной мере определяют специфику местных форм этих религиозных систем.

С интересом были приняты доклады Ю. А. Зуева (Ин-т истории, археологии и этнографии КазССР) «Тотемизм и этнонимическое калькирование у древних народов

Азии» и И. Д. Амусина (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) — «К мессианским воззрениям кумранской общины»⁵.

Широкий круг вопросов был поднят в докладе С. В. Иванова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) «Орнаментальный комплекс эпохи энеолита и бронзы в искусстве современных народов Средней Азии и Казахстана». Советские этнографы и археологи не раз обращали внимание на сходство некоторых мотивов современного орнамента народов Средней Азии и Казахстана с мотивами древнего и средневекового орнамента, усматривая в этом сходстве результат исторической преемственности искусства или культурных связей, имевших место на протяжении многих столетий. Накопленный к настоящему времени материал — этнографический и археологический — позволяет сравнивать современный орнамент с древним не только по линии отдельных мотивов, но и целых их комплексов. С этой точки зрения заслуживает внимания простейший строго геометрический орнамент, сохранившийся в художественном наследии всех современных народов Средней Азии, как ирано-, так и тюркоязычных. В состав этого орнамента входят треугольники (простые или заштрихованные), квадраты (простые и перекрещенные), наклонные линии, крючки, восьмиконечные звезды, сетка (простая и шахматная), зигзаг и другие узоры. Некоторые исследователи видят в этом комплексе влияние орнамента эпохи бронзы. Изучение комплекса, с привлечением сравнительного материала по искусству различных эпох, подтверждает эту мысль, но в то же время позволяет утверждать, что истоки его лежат глубже и уходят в эпоху энеолита, по крайней мере на территории самой Средней Азии. Этот комплекс хорошо представлен крашеной керамикой южных районов Средней Азии, прежде всего керамикой Южной Туркмении. Для Казахстана и Киргизии древнейшим является комплекс эпохи бронзы (андроновский орнамент). Орнаментальный комплекс эпохи энеолита и бронзы прослеживается в Средней Азии и в античный, и в средневековый периоды. Узоры его встречаются в сакском, савроматском и сарматском, в аланском и огузском орнаментах, в орнаменте согдийцев и различных тюркоязычных племен, в том числе кыпчаков. Все эти народы, как известно, принимали то или иное участие в этногенезе современных народов Средней Азии, что подкрепляет выводы о преемственности современного орнамента Средней Азии от орнамента народов древности и средневековья.

Вопросам истории культуры были посвящены доклады Н. А. Иофан (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) — «О становлении японского искусства древности и раннего средневековья» и М. В. Воробьева (Ин-т народов Азии АН СССР, Ленинград) — «Западноазиатские и центральноазиатские элементы в культуре и искусстве Японии VIII в.». М. В. Воробьев исходит из того бесспорного исторического факта, что в японском искусстве и культуре имеются элементы и предметы сасанидского, византийского, центральноазиатского и индийского происхождения. Вместе с различными предметами из этих районов в Японию проникали новая техника, материалы, сюжеты, мотивы, особенно иранские. Проникновение сюжетов и мотивов относится к VII—VIII вв. н. э., причем оно шло опосредствованно, через Китай. В дальнейшем многие пришлые элементы исчезают, некоторые же органически вошли в японское искусство, например, элементы и сюжеты орнамента. Фольклор народов Древнего Востока рассматривался в докладах В. К. Афанасьевой (Государственный Эрмитаж, Ленинград) «Шумерский эпос и фольклор (к вопросу о происхождении героического эпоса)» и Е. Н. Максимова (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) — «Море и волшебный остров в древнеегипетской сказке о потерпевшем кораблекрушение».

Из докладов, посвященных древневосточным языкам, назовем наиболее интересные: доклад Г. Ш. Шарбатова (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) — «Следы коптской грамматики и лексики в современном арабском диалекте египетского языка» и Ю. Н. Завадовского (Ин-т народов Азии АН СССР, Москва) — «О языковых связях Древнего Египта с Магрибом».

III Всесоюзная конференция по истории, культуре и филологии Древнего Востока продемонстрировала успехи советских ученых. Важное место в их исследованиях занимают проблемы социально-экономической истории стран Востока, специфики развития разных государств. Однако желательным было бы закрепить положительный опыт II конференции, во время которой состоялась целенаправленный обмен мнениями по проблеме родовой и сельской общины на Древнем Востоке⁶. Представляется полезным во время конференций обмениваться мнениями по наиболее актуальным дискуссионным вопросам древней истории стран Востока, заранее предусмотрев программу такого творческого обсуждения. Отрадно, что конференция особо отметила как положительный факт активное участие в ее работе этнографов, выразив надежду на продолжение и развитие плодотворных контактов этнографов и востоковедов в разработке проблем истории и культуры Древнего Востока. Доклады сотрудников Института этнографии АН СССР

⁵ Доклад И. Д. Амусина под названием «„Избранник бога“ в кумранских текстах» опубликован в ВДИ, 1966, № 1.

⁶ См. ВДИ, 1963, № 1, стр. 179—195.

вызвали большой интерес. Показательно, что позднее на читательской конференции журнала «Вестник древней истории», состоявшейся 30 мая — 1 июня 1966 г., ораторы призывали к контактам с этнографами и археологами, вспоминая опыт именно III Всесоюзной конференции по истории, культуре и филологии Древнего Востока⁷.

Хотя явно усилилось внимание к изучению проблем идеологии и культуры, докладов на эти темы было мало и порой им не доставало необходимой глубины. Достоинством было то, что в работе конференции было много докладов лингвистов — специалистов по древневосточным языкам, особенно стран Дальнего Востока. Слабо разрабатываются проблемы хозяйства и материальной культуры древних народов. Во всяком случае, на конференции был только один доклад по этой проблематике — Е. В. Черезова (Черновицкий ун-т) о способах запяжки быков в Древнем Египте. По непонятным причинам не состоялся ряд объявленных в программе конференции докладов, допускались произвольные замены тем, не были заранее отпечатаны тезисы докладов.

Однако, несмотря на эти и другие недостатки, конференция явилась важным событием в жизни советской науки.

⁷ См. ВДИ, 1966, № 4, стр. 207.

⁸ К сожалению, все эти изменения в программе конференции оказались неизвестными Н. Е. Семпер, автору обзора «Третья Всесоюзная конференция по истории культуры и филологии Древнего Востока» (ВДИ, 1966, № 4, стр. 225—230). Поэтому автор написала как о прочитанных о докладах В. Р. Кабо и А. И. Мухлинова, на самом деле не состоявшихся; не обратила внимания на замену тем докладов Л. С. Васильева и Г. Г. Стратановича; с опечатками, как и в программе, привела фамилии Б. В. Андринова и А. М. Решетова. Н. Е. Семпер весьма неточно изложила содержание докладов Ю. В. Маретина. Так, на стр. 229 отчета она пишет, что докладчик «подробно осветил социально-экономическую историю» древних государств Индонезии. Однако докладчик подчеркивал противоположный тезис, указывая, что в распоряжении специалистов мало данных для того, чтобы восстановить все стороны социально-экономической жизни этих государств. В обзоре далее утверждается, что, по мнению докладчика, все эти государства «носили раннефеодальный характер», чего Ю. В. Маретин не утверждал в той же безоговорочной форме. Наконец, оборванная на середине фраза привела к появлению особого, непонятного типа государства — «автономного государства».

А. М. Решетов